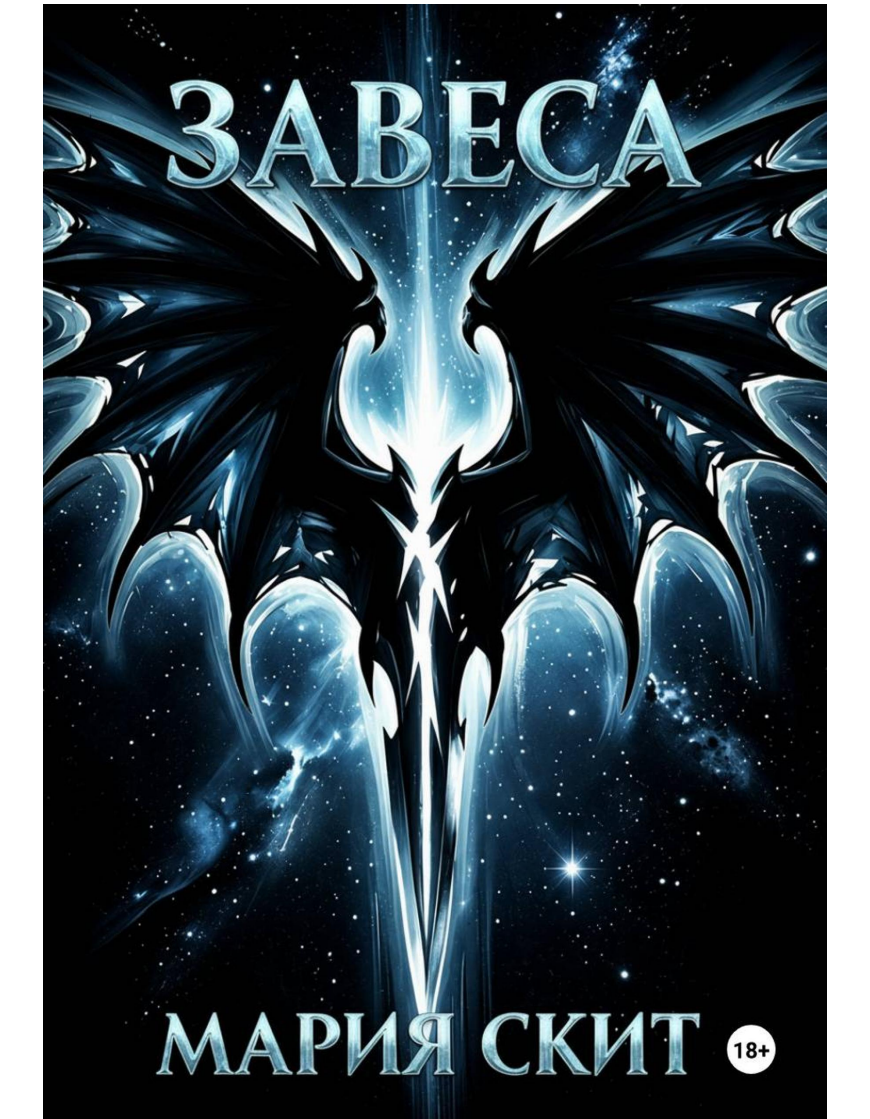

ЗАВЕСА

МАРИЯ СКИТ

18+

Мария Скит

Завеса

<https://litres.ru/74665604>

SelfPub; 2026

Аннотация

Очнуться в бурю на чужой болотной планете и не помнить прошлого — это беда. Обнаружить в себе запретную магию, за которой охотится жестокая Инквизиция — это приговор.

Спасаясь бегством через планеты Квадранта, Адель оказывается втянута в чужую войну. Древний пророк жаждет использовать её силу, чтобы разорвать Завесу. Мрачный инквизитор идет по пятам, уничтожая всё на своем пути. А легендарный меч Вермитракс в её руках жаждет крови и отказывается подчиняться. У Адель нет воспоминаний, нет права на ошибку и нет времени. Ей придется выбрать будущее вслепую: стать пешкой в древнем пророчестве или сжечь его дотла, чтобы найти себя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	34
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мария Скит

Завеса

Глава 1

Планета Аэтерна.

Дождь на Аэтерне пах палёным пластиком. Он ровно стекал по ржавым желобам приземистого дома, затерянного в вечных туманах окраинного поселения, и глухо стучал в жестяной отлив над окном. Внутри было тепло — пахло дешёвым спиртом, мазутом и старой плесневелой бумагой.

Адель открыла глаза. Память походила на разбитое зеркало: острые, болезненные вспышки света и ни одного целого образа. Она лежала на узкой кушетке, укрытая до самого подбородка колючим шерстяным одеялом, и несколько секунд смотрела в низкий потолок, где под балкой висел шнур от лампы.

— Очнулась всё-таки, — голос парня, сидевшего у чадающей масляной лампы, был сухим и бесстрастным.

Адель медленно села. Тело слушалось её пугающе хорошо — ни боли, ни слабости, только звенящая пустота в голове и привкус пыли на языке.

— Кто ты? Как я здесь оказалась? — хрипло спросила она. Парень хмыкнул и снова склонился над медицинским

инжектором: разобрал, протёр тряпицей, собрал, проверил поршень.

— Просто тот, кто не любит лишних трупов под дверью. Зови меня Кай. Я нашёл тебя ночью прямо у порога.

Адель осторожно огляделась, и взгляд её замер в самом тёмном углу. Там, в глубоком кресле, сидел старик — дряхлый, неподвижный, будто слепленный из густых ночных сумерек.

Старик зашевелился. С натужным кряхтением поднялся, вцепившись в костлявый подлокотник, который служил ему единственной опорой. Его светлые, подёрнутые молочной пеленой глаза безошибочно нашли лицо гостя.

— Теперь я понял, откуда мне знакомо твоё лицо, дитя, — проскрежетал он, и его голос, сухой, как шуршание песка по металлу, заполнил комнату. — Я видел тебя в своих видениях.

Он сделал нетвёрдый, шаркающий шаг вперёд, и тусклый фитиль выхватил из темноты изрезанный морщинами лоб.

— Там ты не лежала в пыли у порога в бурю, — продолжал старик, и в его голосе прорезалась пугающая торжественность. — В моих снах ты стояла посреди небесного пламени и остриём сверкающей стали разрезала само небо.

Адель невольно отшатнулась: в кончиках пальцев закололо фантомным электричеством.

— Дед, опять ты за своё? — Кай с грохотом бросил инжектор на стол. — Его пророчества — просто помехи в моз-

гу от близости к разлому.

Адель сглотнула, но сухой ком в горле не двинулся. Голова гудела от напряжения — внутри черепной коробки бился запертый рой разгневанных ос. Каждая попытка выудить из вязкой серой пустоты хоть что-нибудь, кроме собственного имени, заканчивалась одинаково: ничем.

Кто она? Что это за место? Что ей теперь делать?

Отчаянно хотелось верить, что всё это — затянувшийся кошмар, порождённый лихорадкой. Казалось, стоит крепко зажмуриться, сосчитать до трёх — и комната развеется, и она проснётся в своём настоящем доме, где... Дальше Адель не продвинулась: стоило попытаться представить это место, как перед глазами вставала непроглядная тьма.

— Ну а тебя как зовут? — Кай подошёл к кушетке, протягивая стакан с водой. — Расскажешь, как ты здесь оказалась?

Увидев воду, Адель ощутила, как жажда сдавила горло железной хваткой. Она приняла стакан и выпила всё до последней капли; холодная влага обожгла пищевод, смывая вкус пыли. Дышала она тяжело, как после долгого бега.

— Адель... — выдохнула она, и имя прозвучало чужой, сорванной струной. — Я Адель. Больше... больше я ничего не помню.

Девушка до боли боялась этих слов. Произнести их вслух означало признать, что за спиной у неё — бездна, в которой сгорело всё: дом, близкие, её собственная суть.

— Совсем? — Кай нахмурился, вглядываясь в её расши-

ренные зрачки. — Может, тебя кто-нибудь ищет? Муж, родители, друзья?

Она лишь медленно покачала головой, до белизны в костяшках сжимая пустой стакан. Стекло казалось единственным якорем в реальности — последней надеждой не провалиться в серый туман, застилающий разум.

— Похоже на кратковременную амнезию, — Кай задумчиво потёр небритый подбородок и переглянулся со стариком в углу. — Такое случается от запредельного потрясения, от сильного удара. Что-нибудь болит? Голова, шея? Тошнит?

— Нет. — Адель прислушалась к себе, мысленно проверяя каждую мышцу и сустав в поисках очага боли. Внутри было пусто и стерильно, будто она вовсе не лежала без сознания на холодном пороге в разгар бури. Ни ссадин, ни ломоты, ни единого синяка.

— Это потому, что дитя принесла сама завеса. Она бы не посмела причинить ей боль, — вмешался старик, подавшись вперёд.

— Харон, — шикнул Кай, резко обернувшись. По его измождённому лицу и потемневшим от усталости глазам было видно, что он давно доведён до предела — пророчествами деда и его таинственным бредом.

Он снова повернулся к Адель, стараясь придать голосу напускное спокойствие.

— Послушай, — мягко начал он. — Если у тебя ничего не болит, значит, травма не физическая. Но мы не можем си-

деть и ждать, пока память вернётся сама. Я думаю, нам стоит подать запрос в официальный розыск. Там тебе помогут, найдут твоих родных. Можно отправиться прямо сейчас — буря закончилась.

— Ищи, ищи, Кай. Позови волков, чтобы они опознали ягнёнка, — прошептал Харон. — Только не удивляйся, когда вместо дома они предложат ей камеру обустройства.

— Ну что, идём? — Кай проигнорировал слова старика и хлопнул в ладоши.

От резкого шума Адель вздрогнула и едва не выронила стакан. Идея парня — сдать в руки закона, чтобы найти ответы, — в её туманном состоянии показалась единственно верным выходом. Бессмысленно было сидеть в этой прокурорской хижине и ждать чуда.

Она осторожно поставила стакан на край стола и поднялась. Ноги держали её удивительно крепко. Убедившись, что гостя стоит ровно и не падает от головокружения, Кай метнулся к столу, лихорадочно сгрёб какие-то мятые бланки, привычным жестом заткнул за пояс старый пистолет и, сорвав с вешалки потрёпанную куртку на меху, шагнул к Адель.

— Надень, — бросил он, протягивая одежду. — На улице холодно, продрогнешь до костей.

Не успела она коснуться грубой ткани, как тишину деревни разорвала серия сухих, резких хлопков и чей-то протяжный крик.

— Чёрт! Они вернулись! — прорычал Кай, и в голосе его страх смешался с ненавистью.

— Падальщики, — выдохнул Харон, и глаза его вдруг заблестели.

— Сиди здесь! Смирно! — Кай схватился за рукоять пистолета. — И носа не высовывай.

Они вылетели за дверь вдвоём — дед на удивление проворно подхватил тяжёлый кованый посох, — оставив Адель в оглушительной тишине дома. Снаружи рвался хаос: грохот выстрелов, хриплый хохот, потом что-то тяжёлое ударило в стену, и по брёвнам пошла мелкая дрожь. Адель стояла посреди комнаты, не двигаясь и прислушиваясь.

Входная дверь с треском распахнулась, едва удержавшись на петлях. В проёме, в клубах сырого холода, встали две фигуры. На лицах — грязные банданы, в руках — обрезки арматуры и самопальные ножи.

— Опа... Смотри-ка, — прохрипел тот, что покрупнее. — Кай припрятал для нас кое-что поинтереснее, чем таблетки.

Адель метнулась за массивный верстак, выстроив между собой и незваными гостями импровизированную баррикаду. Взгляд её, острый и лихорадочный, метался по комнате в поисках спасения, но пространство предательски сужалось: позади — глухая холодная стена, впереди — двое охотников. Пальцы наткнулись на тяжёлую деревянную палку, валявшуюся у основания стола. Адель цапнула её и выставила перед собой, как выставляют перед собой всё, что осталось.

— Не подходите... — прошипела она. Голос сорвался на низкой, опасной ноте: страх мешался с яростью, поднявшейся откуда-то из глубины.

Оба зашлись в противном, глумливом смехе, больше похожем на лай гиен. Они не спешили, смакуя момент, и начали синхронно расходиться в стороны, обходя Адель с двух флангов и отрезая ей любой путь к бегству.

— Глянь, какая боевая, — усмехнулся тот, что был покрупнее, перекидывая из руки в руку ржавую трубу. — Палкой махать вздумала? Милая, в этих краях палки ломаются быстрее, чем кости.

Адель вжалась в холодную шершавую стену: пространство вокруг неё окончательно схлопнулось. Здоровяк навалился всем весом, перехватил её запястья и намертво пригвоздил их к дереву. Костяные пальцы не давали пошевелиться. В нос ударил тошнотворный запах перегара и немытого тела.

Второй, что пониже, подошёл вплотную. На лице его играла сальная, торжествующая ухмылка. Он лениво, с наслаждением потянулся к Адель и провёл грязным шершавым пальцем по её щеке, спускаясь к подбородку.

— Смотри-ка, какая нежная кожа... — прохрипел он, обдавая её зловонным дыханием. — Не бойся, куколка, мы тебя не сразу сломаем.

Внутри Адель что-то с оглушительным звоном лопнуло. Омерзение, острое и ледяное, прошло её насквозь, выжигая остатки страха. В самой глубине её существа пробудилось

нечто древнее, тяжёлое и раскалённое, как ядро умирающей звезды, — не приём из учебника и не осознанное движение, а первобытный крик, облечённый в форму чистой энергии.

Воздух в комнате стал плотным, как свинец, и зазвенел от статического напряжения. Волосы на руках у бандитов встали дыбом.

— Уйдите... — выдохнула Адель, и её голос прозвучал неестественно низко, с металлическим отзвуком.

В следующую секунду от её тела во все стороны ударила невидимая волна. Пространство вокруг девушки взорвалось фиолетовым сиянием. Здоровяк, державший её за руки, отлетел к противоположной стене с такой силой, что хрустнули доски обшивки. Второго, не успевшего даже вскрикнуть, отбросило к верстаку: его тело снесло полки с инструментами, и он рухнул грудой тряпья, мгновенно потеряв сознание. По полу покатались клещи, молоток, жестяная коробка с гвоздями.

Адель осталась стоять у стены, окутанная медленно тающим маревом искажённого воздуха. Ладони её искрились, а в глазах на мгновение отразилось бесконечное звёздное небо за пределами завесы.

Планета Стазис-Прайм. Окраинный сектор «Омега».

Воздух в центре поселения «Стык-7» сгустился, заискрившись грязно-синими разрядами. Пространство перед общинным центром пошло рябью, как вода, в которую бро-

сили тяжёлый камень, и через мгновение тишину разорвал оглушительный хлопок схлопнувшегося вакуума. Вспышка портала ослепила немногих смельчаков, наблюдавших из окон; когда свет погас, на площади уже стоял монолитный отряд инквизиторов.

В центре круга, окутанный медленно тающим маревом телепортации, возвышался Аларик Морн. Его фигура, закованная в матово-чёрную композитную броню, казалась чужеродной в этом грязном, залитом смогом секторе. Доспех из сегментированных пластин обсидианового сплава плотно облегал тело, не оставляя ни единого зазора; каждый сустав был защищён гибким кевларовым сочленением, а нагрудник украшала чеканная гравировка в виде перечеркнутого круга — знака абсолютного контроля Ордена Инквизиции.

Лицо командора скрывала глухая штурмовая маска. Идеально гладкая, лишённая каких-либо человеческих черт, если не считать узкой полосы визора, пульсирующего холодным багровым светом. Безликая маска — последнее, что видели еретики перед смертью. На поясе в ножнах висел меч.

— Оцепить периметр, — коротко бросил Аларик. Голос его лязгнул железом.

Инквизиторы рассыпались по площади чёрными тенями. Поселение встретило их гробовой тишиной; из-за заколоченных окон доносился лишь сдавленный, прерывистый плач. Аларик шёл по центральной улице, и каждый его шаг по растрескавшемуся бетону был выверенным и тяжёлым.

Броня не издавала ни единого лишнего звука — только едва слышное шипение сервоприводов. Он не чувствовал ни жалости, ни гнева: мир для него делился на «алгоритм» и «ошибку». И сейчас перед ним была ошибка, которую следовало устранить.

— Граждане, вы знаете правила. В вашем секторе зафиксирована магия — аномалия, ведущая к ереси.

Аларик замер перед массивными дверями общинного центра. Усиленный внешними динамиками шлема, его голос громом разнёсся над площадью и вернулся эхом от стен серых многоэтажек. В этом ровном, лишённом эмоций гуле слышался приговор, который сейчас настигал каждого в поселении. Морн знал: его слышат все — и те, кто затаил дыхание за заколоченными окнами, и те, кто в ужасе сбился в кучу внутри здания.

— Если носитель или те, кто его укрывает, выйдут добровольно, Орден проявит милосердие, и мы разойдёмся с миром. Но если вздумаете прятаться... — Аларик сделал паузу; в наступившей тишине стало слышно только лёгкое дуновение ветра. — Начнётся полная зачистка. И больно будет всем.

Жители молчали, скованные парализующим страхом. Аларик медленно положил ладонь в чёрной перчатке на рукоять Меча. Фиолетовые искры пробежали по сегментам брони, воздух вокруг пошёл мелкой рябью, предвещая скорую бурю.

— Время пошло, — отчеканил он.

Прошло ровно десять секунд. Ни мгновения дольше командор ждать не собирался: бездушные алгоритмы Инквизиции не предполагали долгих уговоров. Он поднял руку, давая лаконичный сигнал к началу жатвы.

Отряд сорвался с мест. Тишину поселения разорвал грохот выбиваемых дверей и звон разбитого стекла. Послышались истошные крики, глухие удары прикладов, захлёбывающиеся мольбы о пощаде. Людей выволакивали из убогих жилищ на морозный воздух — за шкурки, за воротники, за волосы — и сбивали в одну неровную линию на центральной площади. Под дулами карабинов вчерашние рабочие падали на колени, вжимая головы в плечи перед безликими масками карателей.

Аларик не обращал на них ни малейшего внимания. Он смотрел только на двери общинного центра. Подошёл вплотную, почти коснулся шлемом холодного металла и замер, вслушиваясь в то, что таилось за преградой. Там царила сдавленная, неестественная тишина.

Морн сделал несколько размеренных шагов назад. С негромким шипением, похожим на змеиный выдох, обнажил Меч. Одним коротким движением он нанёс удар. Клинок прошёл сквозь тяжёлые цепи и стальной замок, словно сквозь подтаявший воск, рассыпав сноп ослепительных искр. Двери со стоном распахнулись.

В полумраке зала Аларик увидел плотную группу людей.

Они сидели на ледяном полу, тесно прижавшись друг к другу плечами, с закрытыми глазами. Из их груди вырывался монотонный вибрирующий гул — они что-то напевали в унисон, и внезапное вторжение вооружённого инквизитора, казалось, их совсем не потревожило.

— Сектанты, — сухо отрезал Аларик.

Багровый визор бесстрастно прошёл по рядам замерших фигур. Таких он видел не раз. Среди «тихонь» редко попадались настоящие носители активного дара — обычно это была кучка сломленных фанатиков, решивших, что если достаточно глубоко провалиться в собственное изменённое сознание, можно обрести мифические высшие силы. Они сами просили запирать себя где-нибудь. Они отрицали саму реальность: для них не существовало ни магии, ни технологий, ни карающих мечей Инквизиции. Мир был для них досадной иллюзией. Их единственная цель была пугающе проста — не умереть в муках, а достичь состояния абсолютного стазиса, заживо превратившись в вечный бесчувственный камень.

— Взять их и вывести! — приказал Аларик.

В ту же секунду в здание ворвались бойцы. Они действовали слаженно и грубо, буквально вышвыривая фанатиков наружу. Сектанты не сопротивлялись; на их лицах застыли блаженные, пугающие улыбки, словно расправа была для них лишь очередным шагом на пути к «вечному камню».

Когда всех обитателей центра выгнали на площадь, Аларик вышел следом, окинув толпу презрительным взглядом.

В этом богом забытом секторе жило не так много людей — в основном обычные работяги, чья жизнь была закольцована в бессмысленном ритме от рассвета до заката. Существование их он считал жалким. Для него это было послушное стадо, и в такие минуты, когда скот вдруг отказывался выдавать еретигов, он искренне поражался: откуда в пустых оболочках столько безрассудной смелости и фатальной глупости?

— Я не хочу крови, — спокойно произнёс Аларик. — Я готов даровать вам ещё один шанс. Просто скажите: кто ведьма? А может, колдун? Сдайте его — и мы уйдём. Мы не станем клеймить вас как укрывателей ереси.

Он выдержал паузу, позволяя страху просочиться под кожу каждому стоящему на коленях. Затем медленно перевёл тяжёлый, пренебрежительный взгляд на детей, которые, подражая взрослым, замерли в снежной грязи.

— У вас есть дети, — Морн указал на маленькие фигурки. — Подумайте о них. Стоит ли чья-то чужая магия их будущего? Или вы хотите, чтобы они разделили вашу участь прямо здесь?

Толпа безмолвствовала. Только ветер завывал между ржавыми остовами очистных сооружений, бросая пригоршни ледяной крошки в лица коленопреклонённых. Они не смотрели на Аларика; взгляды их были устремлены в пустоту, словно люди уже перешагнули черту, за которой страх перестаёт существовать.

Внутри командора закипало холодное раздражение. Эти

люди не были героями. Они были мусором.

— Ваше молчание — это тоже выбор, — негромко произнёс он, и шёпот прозвучал страшнее крика. — Начнём с детей. Давайте вон того паренька.

Один из бойцов грубо выхватил мальчика из толпы. Воздух прорезал крик матери, а следом — яростный рык мужчины, который, обезумев от горя, бросился на инквизитора. Он успел лишь замахнуться, прежде чем пуля пробила ему череп. Тело рухнуло в грязь, и улица захлебнулась общим воплем ужаса. Работяги, ослеплённые яростью, на мгновение рванулись к оцеплению, готовые с голыми руками идти на сталь. Бунт подавили в зародыше: тяжёлые приклады и разряды шокеров вмиг вернули толпу на колени. Лишь сектанты в центре площади продолжали сидеть неподвижно, и застывшие улыбки не дрогнули даже от запаха свежего пороха и крови.

Когда дрожащего ребёнка подтащили к Аларiku, тот медленно поднял руку с Мечом. Маска бесстрастно взирала на жертву. Достаточно было лёгкого пореза, чтобы понять, есть ли здесь магия, но страх сильнее боли. Аларик был уверен: кто-то сейчас сдастся, а если нет — эта кровь будет на их плечах. И всё же в тот миг, когда он уже занёс клинок, мальчик зашёлся в захлёбывающемся плаче. Ослеплённый слезами, он вытянул тонкую руку и указал на одного из молодых людей, сидевших среди сектантов.

— Это он! — пронзительно вскрикнул ребёнок, содрога-

ясь всем телом.

Аларик медленно опустил острії, переведя взгляд с рыдающего мальчика на строй. Там, среди безучастных лиц, один юноша больше не улыбался. Он поднимался с колен, и с каждым его движением воздух вокруг густел. Грязь у ног задымилась, схватываясь стеклом, полы поношенной робы затрепетали, хотя ветра на площади не было.

— А что же вы больше не улыбаетесь? — прошипел командор, и в голосе его лязгнула сталь. — Или храбрости хватает только тогда, когда за вас отвечает ребёнок?

— Моя сила помогала этим людям! Она исцеляла их, спасала от голода и боли! — Юноша вскинул голову, глаза его лихорадочно блеснули. — А вы? Вы приносите только смерть и выжигающую всё живое ненависть!

— Смерть и ненависть в этот захудалый притон принёс ты сам, — отрезал Аларик, разворачиваясь к колдуну всем корпусом. — Ну же, покажи, чего ты стоишь на самом деле. Или снова спрячешься за спинами блаженных и детей?

Юноша взревел, скидывая руки. Из ладоней с оглушительным треском вырвались столбы ослепительно белого пламени и устремились точно в грудь инквизитора. Аларик не дрогнул. Он ленивым жестом выставил Меч перед собой: лезвие жадно впитало яростный поток, как губка воду. Огонь исчез, не оставив на доспехе даже следа копоти.

Не дав оппоненту опомниться, Аларик коротким движением метнул Меч. Клинок пронёсся чёрной стрелой и вошёл

точно в цель, насквозь пробив грудную клетку мага. Тяжёлые капли крови мгновенно залили холодный металл. Колдун рухнул на колени, издал предсмертный хрип и затих в снежной грязи.

— Слабоват, — холодно бросил Аларик, коротким импульсом воли возвращая Меч в ладонь. — Есть ещё?

Он посмотрел на мальчика. Тот, содрогаясь от рыданий, лишь отчаянно покачал головой.

— Ты сирота? — голос Морна зазвучал тише, но не теплее.

— Да... — едва слышно выдохнул ребёнок.

— Хорошо.

Аларик неспешно протёр лезвие от крови.

— Всех детей изъять для нужд Инквизитория. Взрослых — клеймить как пособников. Сектор закрыть на карантин.

Он развернулся и размеренным шагом направился к мерцающему мареву портала. За спиной площадь взорвалась криками матерей, у которых вырывали сыновей и дочерей. Аларик лишь криво усмехнулся под маской. Странно: когда этого маленького сироту вот-вот должны были порубить на куски, никто из них так громко не кричал.

Планета Аэтерна.

Адель стояла посреди разгромленной хижины. Воздух ещё дрожал, пропитанный озоном и запахом палёной шерсти. Один из нападавших застыл в нелепой позе у верстака, тело его мелко подёргивалось, будто по нему всё ещё шёл

разряд. Второй хрипел у стены, не в силах подняться, и скрёб половицы ногтями. Адель смотрела на свои ладони: фиолетовые искры, только что плясавшие на кончиках пальцев, медленно гасли, впитываясь обратно под кожу. В голове стоял ровный гул, как шум далёкого водопада.

— Твою мать... — Кай замер на пороге; взгляд его метался от одного распластанного тела к другому. Он не сразу заметил, что до сих пор сжимает рукоять пистолета.

— Чего встал истуканом?! — Харон грубо толкнул парня в спину, и тот ввалился внутрь. — Живо хватай этого за ноги. Вынесем мусор отсюда и утопим в топях, пока никто не пронюхал о силе Адель.

— Чего?! — Кай округлил глаза и попятился. — Вынести — согласен. Но покрывать её я не стану! Она ведьма, Харон! Я не собираюсь становиться соучастником ереси!

— Ты им уже стал, — отрезал старик, и путь к двери оказался перекрыт. Он подошёл к Адель и накрыл её дрожащие ладони своими сухими руками — ласково, почти по-отцовски.

— Нет, нет! — Кай сорвался на крик и тут же упал до истерического шёпота. — Я просто её нашёл. Я понятия не имел, кто она такая. Мы передадим её инквизиторам.

При слове «инквизиторы» Адель будто ударило током. Память оставалась чёрной дырой, но само название ордена отозвалось в теле ледяным, парализующим ужасом. Она чувствовала нутром: эти люди не принесут спасения — только забве-

ние или клетку. Страх поднял её на ноги, и она замотала головой, вжимаясь в стену.

— Нет, пожалуйста... я сама уйду. Куда угодно — в пустоши, в болота. Только не отдавайте меня им!

— Тихо, тихо, успокойся, милая, — приговаривал Харон, сжимая её пальцы крепче. — Мы тебя защитим. Это наш долг перед Свободой.

— Нет, не защитим! — прорычал Кай. Он уже развернулся к двери, но надтреснутый властный голос старика пригвоздил его к месту.

— Перестань быть тряпкой! Твой отец не знал страха. Твоя мать была великой женщиной, хранившей тайны, которые тебе и не снились. Что бы они сказали о тебе сейчас? Что их сын, когда нужно было протянуть руку помощи, превратился в доносчика? Что он ведёт себя как последний трус?

— Да! — Кай обернулся, и лицо его перекосило. — Я лучше буду живым предателем, чем мёртвым героем, как они!

— Тогда сдавай и меня, — Харон выпрямился, и в его незрячих глазах блеснула прежняя твёрдость. — Иди, Кай. Приведи «Вестников Пепла» в собственный дом.

Кай замер в дверном проёме, вцепившись в косяк так, что побелели костяшки; старое дерево жалобно скрипнуло. Грудь ходила ходуном, в горле стоял горький ком из невыплаканных слёз и удушающего страха. Он смотрел на Адель — на хрупкое потерянное существо, которое только что разметало двух здоровых мужиков, — и видел в ней не ведьму,

а собственный смертный приговор.

— Пожалуйста, я уйду сама. Вам никто не будет угрожать.
— Голос Адель прозвучал почти неслышно и утонул в гулком биении её сердца. В глазах стояли слёзы, которых она не замечала.

Ярость Кая мгновенно сменилась горькой жалостью, и та полоснула по нервам сильнее страха. Перед ним была не «ключ к Свободе», а испуганная девчонка с чужой курткой в руках.

Кай с силой ударил кулаком по косяку, выплескивая остатки сомнений.

— Твою мать... — он сорвал с пояса фонарь и швырнул его на стол. — Харон, бери второго за плечи! Тащим этого борова к трясине. На улице суматоха, скажем, что убили случайно. Кто по ним переживать будет?

Парень шагнул к ближайшему бандиту, рывком развернул его и потянул за тяжёлые сапоги; подошвы закрипели по половицам. Харон, кряхтя, подхватил второго под мышки. Выбор был сделан: теперь Кай был не просто врачом-нелегалом — теперь он был укрывателем ведьмы.

Они ушли, волоча тела по мокрой траве к трясине. В хижине воцарилась липкая, неестественная тишина.

Адель подняла глаза на закрытую дверь. Можно ли доверять этим двоим — нервному Каю и странному старику с пророчествами на губах? Пожалуй, да. Они не вонзили ей нож в горло, не сдали патрулю, а наоборот, рискнули всем,

чтобы спрятать следы её ярости. Пока они добры к ней, у неё остаётся призрачный шанс отыскать саму себя в этом хаосе.

Ведьма? Неужели единственное слово, которое теперь определяет её суть? И это всё, что она знает о себе?

В голове не было ни единого образа, ни одного обрывка, за который можно было бы ухватиться. Только гулкая, ледяная пустота — такая же мёртвая, как тишина в хижине после ухода мужчин. Ни лиц, ни имён, ни тёплого чувства дома.

Ноги стали ватными. Адель бессильно опустилась на пыльный дощатый пол, обхватила плечи руками и попыталась унять внутреннюю дрожь и переварить то, что только что сорвалось с её собственных пальцев.

— Ну и что нам теперь делать? — Кай ввалился в комнату первым. Вид у него был вымотанный: лицо осунулось, по вискам катились крупные капли пота, оставляя грязные дорожки на бледной коже.

— Для начала перестань истерить, запри дверь на все замки и налей нам чего-нибудь крепкого, — Харон вошёл следом, и голос его прозвучал на удивление твёрдо, перекрывая свист ветра снаружи.

Бурча под нос невнятные проклятия, Кай принялся выполнять поручения. Движения у него были рваные, дёрганные; он старательно отводил взгляд от Адель, словно надеясь, что если не смотреть, она растворится в воздухе и исчезнет как дурной сон. Девушка оставалась на месте, хотя в глубине души желала того же.

Харон с тяжёлым вздохом опустилсЯ в своё глубокое кресло и кивком указал Адель на стул, сиротливо валявшийся посреди разгрома.

Она поднялась. Колени ещё подгибались, но Адель заставила себя сохранить ледяное, почти неестественное спокойствие: поставила стул на ножки, села, выпрямив спину. Под звон посуды в руках Кая между ними тремя росло то, о чём нельзя было говорить вслух, — общий секрет, который либо спасёт их всех, либо станет верёвкой на шею каждому.

— Итак, дитя, теперь ты знаешь: ты — ведьма. Но без воспоминаний и умений твоя сила — неуправляемое пламя, опасный инструмент, который прежде всего обожжёт тебя саму. Завтра на рассвете мы отправимся к одной моей старой знакомой. Она живёт в трёх днях пути отсюда, в глубине туманных пустошей, и поможет тебе обуздать этот хаос, — Харон принял из рук Кая гранёный стакан, и костлявые пальцы его заметно дрожали.

— Постой... что значит «мы»? — Кай замер, протягивая такой же стакан Адель. Голос сорвался на высокой, нервной ноте. — Может, просто нарисуем ей карту? Объясним, как добраться, дадим сухпаёк и, ну, пожелаем удачи?

— Нет, — отрезал старик, и в его незрячих глазах на мгновение сверкнула сталь. — Одна она не дойдёт. Её вычислят. Мы обязаны её проводить. Это наш долг.

Кай застыл, глядя на деда так, будто у того выросла вторая голова. Потом залпом выпил свой стакан, даже не помор-

щившись от обжигающей горечи дешёвого синтетического спирта, и потянулся за добавкой, отчаянно needing в новой порции забвения.

Адельхватило резкого, бьющего в нос запаха сивухи, чтобы понять: это варево прожжёт дыру в стене дома, а не то что в желудке.

— Кай прав. Вы не обязаны подставлять головы под топор ради незнакомки, — тихо, но твёрдо сказала она.

— Что бы там ни бормотал мой внук, я кожей чую: сон был вещим, — старик подался вперёд, и тени от масляной лампы превратили его лицо в суровую маску древнего божества. — Ты не просто так рухнула у нашего порога в разгар бури, дитя. Завеса сама вытолкнула тебя к нам — жемчужину из пасти хищника.

— Ну вот, начались сказки о великом спасении и мессиях, — горько усмехнулся Кай, вливая в себя вторую порцию. Стекло звякнуло о зубы. — Дед, мы живём в дыре, где из достижений только то, что нас ещё не сожгли. А ты пророчишь этой девчонке роль спасительницы мира?

Кай отставил пустую тару и с вызовом посмотрел на Адель. В его глазах мешались жалость и глухая злоба на судьбу, которая так жестоко подставила их под удар.

Планета Стазис-Прайм. Цитадель.

Кабинет Аларика Морна больше напоминал склеп, вырубленный в монолите холодного обсидиана. Здесь не было места личным вещам, памятным безделушкам, мягкому свету.

Высокие стены из полированного чёрного камня поглощали любые звуки, оставляя лишь едва слышный гипнотический гул систем фильтрации воздуха. Единственным окном в мир служила узкая панорамная щель, за которой растянулся безжизненный стальной пейзаж столицы, вечно затянутый серой пеленой смога и патрулируемый золотыми дронами.

Аларик стоял у терминала неподвижно, словно изваяние. Сегментированная броня, ещё хранившая ледяное дыхание порталного перехода после зачистки сектора, тускло отсвечивала матовым металлом в полумраке. Он медленно поднёс руки к голове, и с коротким резким шипением гидравлические замки шлема разомкнулись.

Он снял маску.

Лицо его было пугающе молодым для командора такого ранга, но в чертах сквозила мертвенная застылость. Кожа, бледная от десятилетий без постоянных солнечных лучей, казалась прозрачной и обнажала тонкую сетку голубоватых вен на висках. На этом фоне особенно резко выделялись глаза — глубокого тёмно-карего цвета, почти сливающегося с чернотой зрачков.

— Командор. — В дверном проёме возник адъютант. Голос его дрожал, выдавая тщательно скрываемое волнение. — Пришло срочное послание. В секторе Зета-9, на планете Гиенна, совершена масштабная террористическая атака. Весь гарнизон уничтожен. Среди погибших инквизитор высшего

ранга.

— Террористы пойманы? — Голос Морна лязгнул, как за-
твор карабина.

— Нет, сэр. Уцелевшие датчики зафиксировали сигнала-
туру, которую невозможно классифицировать. Аналитики
предполагают, что атаку возглавлял Призрак.

От этой фразы Аларика едва заметно передёрнуло. Одно
упоминание имени вызывало приступ ледяной, концентри-
рованной ненависти. Призрак был ожившим кошмаром Ин-
квизиции: колдун невиданной силы, чей лик никто не видел,
вожак повстанцев, способный, по слухам, проходить сквозь
стены и обращать сталь в пыль одним касанием. О нём гово-
рили шёпотом на нижних уровнях.

А тот факт, что еретики не просто плодились в тени, а на-
чали открытую охоту на высших офицеров, выводил Морна
на пик ярости.

— Призрак... — Аларик сжал кулаки так, что сегменты
брони скрипнули. — Значит, крысы вышли из нор и возо-
мнили себя хищниками.

— Сэр, Совет настаивает, чтобы именно вы взяли это дело
под личный контроль, — голос адъютанта стал сухим.

— Да будет угодно Совету, — в этих словах не было сми-
рения, только холодная готовность палача приступить к ра-
боте.

Планета Гиенна.

Синий разряд портала с грохотом разорвал плотный, на-

сыщенный серой воздух. Аларик Морн шагнул на поверхность планеты, и подошвы мгновенно впечатались в слой жирного вулканического пепла. Геенна встретила его удушашим смрадом серы и калёного железа.

Он шёл размеренно, тяжело, пока не остановился у эпицентра бойни. От яростного сражения, кипевшего здесь, не осталось ничего, кроме оплавленного кратера — открытой раны в теле планеты. Глубокий карьер был до краёв заполнен невесомым сизым пеплом, который всё ещё курился едва заметным ядовитым дымом.

Опознать кого-либо теперь не представлялось возможным. Смерть уравнила всех: фанатичные террористы, инквизиторы и простые бойцы гарнизона смешались в одну серую массу. Ветер лениво перебирал прах, поднимая его в багровое небо. За оцеплением, в тени дымящих труб, стояли тысячи рабочих. Из-под грязных касок Аларик видел во взглядах не покорность, а затаённый, ядовитый восторг. Призрак показал им то, во что они боялись верить: великие воины Инквизиции — горстка праха, которую может развеять правильный ветер.

Морн медленно спустился в самый центр кратера. Подошвы тяжёлых сапог с глухим кощунственным звуком сминали серый налёт, и он замер, озираясь в поисках главного — Вермитракса.

Это был не просто клинок, выкованный из обсидиана и воли. Это был сосуд, в котором билась яростная, неукроти-

мая душа самого Дракона. Во всей необъятной Инквизиции, державшей в страхе четыре планеты, существовало лишь два подобных артефакта, способных подчиняться человеческой руке: Аэрон, чей клинок пульсировал нестабильной энергией на поясе самого Аларика, и Вермитракс, принадлежавший ныне покойному инквизитору высшего ранга. Остальные пять затерялись в веках — древние хроники шептали, что великие драконы спят в ледяном вакууме космоса или в недрах мёртвых планет, ожидая прихода истинных носителей.

Позади командора безмолвными изваяниями застыл отряд. Эти люди походили на покорных псов войны, чей единственный смысл существования заключался в ожидании короткого резкого приказа. Их визоры холодно мерцали в такт всполохам неба.

— Опросить здесь каждого, — проговорил Аларик, не оборачиваясь.

Инквизиторы пришли в движение: с лязгом затворов и шипением сервоприводов они рассыпались по сектору «Зета-9», растекаясь по грязному снегу чёрными пятнами нефти.

Морн был почти уверен, что никто из черни не посмел бы прикоснуться к клинку. Эти жалкие создания не рискнули бы даже приблизиться к пылающему эпицентру бойни так скоро. Возможно, позже, через день или два, они слетелись бы на пепелище в поисках наживы, но сейчас их гнала прочь

сама тень Инквизиции. И всё же в глубине ожесточённой души он всё ещё лелеял слабую надежду, что меч просто затерялся в лабиринтах этих грязных закоулков. Если же еретики стащили его, если осмелились осквернить святыню нечистыми руками, Аларик не просто оборвёт их никчёмные жизни. Он будет отсекал им пальцы один за другим, медленно и методично, пока каждый не захлебнётся в собственной крови.

— Аэрон... — Аларик с сухим шелестом извлёк меч из ножен.

Само имя пробудило спящего дракона внутри стали. Клинок мгновенно охватило яростное красное пламя, жадно лизавшее воздух. Слов не требовалось, чтобы направить волю оружия: лёгким, почти небрежным движением Аларик подбросил тяжёлый меч вверх. Тот замер в воздухе, будто потеряв вес, и начал бешено вращаться, как обезумевшая стрелка компаса.

Если бы Вермитракс находился поблизости, Аэрон неизбежно почувствовал бы зов «старшего брата» и указал путь сквозь любые преграды. Но старший молчал. Через минуту бесплодного вращения клинок плавно опустился обратно в руку носителя, окутанный разочарованным шипением гаснущего пламени.

— Чёрт, — прохрипел Аларик.

Его здесь нет. Эти выродки не просто украли сталь — они похитили память, единственное осязаемое эхо, оставшееся от павшего инквизитора. Того, кого Аларик считал един-

ственным равным себе во всех четырёх мирах. Того, кто одним своим присутствием заставлял заледеневшую душу командора сжиматься до невыносимого острого скрипа.

Смерть этого человека обожгла Аларика как личное оскорбление — дерзкий кровавый плевок в лицо Инквизиции. Ярость сгустилась, становясь почти осязаемой: воздух вокруг задрожал и зазвенел от колоссального напряжения, а по лезвию Аэрона, сжатого в дрожащем кулаке, хищно заплясали искры.

Допросы в секторе «Зета-9» не принесли ничего, кроме новой порции бесполезных криков. «Вестники Пепла» вывернули наизнанку память каждого второго рабочего, чьи нейроны ещё не деградировали окончательно от угольной пыли, и результат был нулевым. Призрак стёр за собой не только жизни инквизиторов, но и само восприятие реальности у свидетелей: для них бой остался вспышкой белого света и хлопком пустоты.

Когда удушливая маслянистая тьма окончательно поглотила это проклятое место, Аларик шагнул в ослепительный разлом портала. Он уходил, оставляя за собой приказ: планету перевернуть вверх дном.

Геенна была невелика — самый крошечный мир Квадранта, — но характер её был беспощаден. Одна половина представляла собой первобытный ад, непригодный для жизни, другая была изрезана шрамами карьеров и скована цепями заводов и шахт. Аларик знал: если мятежники не успели вы-

рваться за пределы этого огненного шарика, «Гончие» рано или поздно вычислят их. А если сумели ускользнуть на одну из трёх других планет — затеряться в холоде Стазис-Прайма, в топиях Аэтерны или в лабиринтах Окулуса, — это ничего не меняло. Аларик Морн готов был обойти каждый мир от края до края, выжечь каждую тень и перевернуть каждый камень, пока еретики не будут уничтожены, а Вермитракс не вернётся домой.

Планета Стазис-Прайм.

Аларик чеканил шаг по бесконечному коридору Цитадели. Каждый удар подкованных сталью сапог отзывался в стенах гулким, роковым эхом. Встречные офицеры и адепты, заведев его броню, покрытую налётом пепла Геенны, замирали и низко склоняли головы в знаке безмолвного почтения. Морн не удостаивал их даже взглядом — для него они были безликим фоном этой стерильной обители порядка.

Он вошёл в центральный зал, тонущий в холодной тени, и остановился у круглого стола из чёрного мрамора, поверхность которого мягко подсвечивалась голограммами звёздных карт. У противоположного края, словно древнее изваяние, замер Архивариус. Старик в тяжёлых одеждах, расшитых золотой проволокой, не поднимал головы, но его власть ощущалась физически — сталкивалась с жаром, исходявшим от Аларика.

— Ты принёс запах смерти на чистые полы, командор, — проскрежетал он, и голос был сухим, как шелест песка в пе-

сочных часах. — И пришёл с пустыми руками.

— Меч похищен мятежниками. — Аларик убрал руки за спину.

— Без истинного носителя от этого оружия одни проблемы. — Архивариус медленно поднял голову. Из-под низко надвинутого капюшона на командора уставились глаза, лишённые белков, — два глубоких колодца, наполненных застойной тьмой древних знаний. — Неужели они подумали, что смогут найти замену?

— Это невозможно, господин, — твёрдо произнёс Аларик. — Я не верю, что среди этих ничтожеств может родиться наследник семи драконов. Тем более так быстро: меч ещё не оплакал потерю.

— Согласен с твоим скепсисом, командор. Но права на гадания и надежды у нас нет, — Архивариус подался вперёд, и его аура, тяжёлая и холодная, заполнила пространство между ними. — Аларик, они становятся смелее. Мы больше не можем терпеть это копошение под ногами.

Старик указал костлявым пальцем прямо на грудь Морна, где под броней глухо билось сердце инквизитора.

— Направь всю накопленную ненависть Инквизитория на них. Сотри это пятно с лица Квадранта. Если Призрак считает, что может владеть силой Дракона, докажи ему: эта сила способна лишь испепелить его изнутри.

Глава 2

Планета Аэтерна.

Адель плелась позади мужчин, низко опустив голову и стараясь слиться с собственной тенью. По словам Харона, здешние жители любопытством не отличались: в этом захо-лустье каждый второй хранил тайну, от которой стоило дер-жаться подальше. Но осторожность диктовала своё — быть тише воды, ниже травы.

Из хижины они вышли на рассвете, оставив на столе три пустых стакана и накрепко запертую дверь.

План старика был обманчиво прост и состоял из трёх пунктов: добраться до перевалочного узла, затеряться в ку-зове ближайшего вездехода и дотянуть до нужного места. На бумаге это выглядело прогулкой, но Кай, то и дело поправ-лявший лямки тяжёлого рюкзака, был свято уверен: по до-роге их непременно прикончат.

Здесьняя местность представляла собой вязкое месиво из хлюпающих болот, ядовитой зелени и густой липкой гря-зи. Нельзя сказать, что Аэтерна вызывала отвращение, но её обитатели, казалось, переняли худшие черты этого мира: бо-лезненно-зеленоватые лица, тяжёлые застоявшиеся взгляды, погружённость в себя не меньше, чем у бездонных трясин вокруг.

Каждый шаг сопровождался чавканьем, с каким трясина

на нехотя отпускала подошвы сапог. Адель чувствовала, как влажный воздух пропитывает одежду, а вместе с ним внутрь пробирается мокрый страх.

Спустя несколько часов марша по хлюпающей жиже туман начал редеть, обнажая очертания перевалочного узла. Узел был транспортной артерией сектора: здесь сходились разбитые гравийные дороги, по которым ползли тяжеловесные грузовики с сырьём, и гудели старые магнитные рельсы. Воздух пропитался не только болотной гнилью, но и едким мазутом, гарью и кислым запахом дешёвого курева.

На центральной платформе, окутанной облаками пара, фыркал огромный вездеход — шестиколёсный монстр, покрытый слоями засохшей грязи и заплатами из бронелиста. Его двигатель выдавал низкий утробный рык, от которого вибрировали зубы.

— Вот он, наш билет в один конец, — Кай кивнул в сторону машины.

— Я договарюсь, — сутулая фигура Харона растворилась в мареве выхлопных газов, оставив молодых людей в тяжёлом, вязком молчании.

Кай не проронил ни слова с самого рассвета и ни разу не взглянул в сторону Адель. Он стоял рядом, пряча подбородок в воротник куртки, и его отрешённость была почти осязаемой.

— Пока мы не уехали... — Он резко прервал тишину, и голос прозвучал натянуто. — Скажи честно. Ты хоть что-

нибудь вспомнила? Хоть обрывок?

Адель рада была бы дать ему ответ, который принесёт облегчение, но стена её прошлого оставалась немой и непроницаемой. Ни единого образа, ни единой зацепки. Пугало другое — собственное ледяное спокойствие. Да, её до дрожи пробирало то, что она ведьма. Да, в груди сворачивался страх при мысли о карателях Инквизиции. Но где-то на самой грани сознания, в тёмных глубинах подкорки, жила странная, непоколебимая уверенность: всё идёт именно так, как должно. Словно эта катастрофа, это забвение и эта магия были предназначены ей задолго до пробуждения в хижине. Будто другого пути не существовало и каждый шаг по грязи Аэтерны был частью грандиозного, пугающего замысла.

— Мне нечем тебя обрадовать, — виновато произнесла она.

— Ну конечно. — Кай горько усмехнулся и нервно почесал переносицу, подавляя желание развернуться и уйти в туман.

— Всё, по коням! Мы уезжаем! — вернувшийся Харон сиял торжествующей, почти детской улыбкой. Его лицо, изрезанное морщинами, как старая карта, светилось непонятной радостью, словно этот побег в неизвестность был лучшим событием его долгой жизни.

Когда Адель и старик уже забрались в тесную железную кабину, Кай всё ещё медлил. Он замер, будто невидимая черта не давала ему сделать последний шаг. Парень поднял

взгляд на Адель: в его глазах, тёмных от недосыпа и тревоги, читалась колючая неприязнь. Для него она была живым воплощением катастрофы, ворвавшейся в его дом. Но стоило ему перевести взгляд на Харона, как лёд подтаял: глаза Кая смягчились, наполнившись щемящей нежностью.

— Кай, живей! — крикнул Харон.

Парень тяжело вздохнул, будто сбрасывая с плеч остатки прошлой жизни, и одним движением запрыгнул внутрь. Дверь захлопнулась с окончательным лязгом, отрезав его от привычных болот.

Вездеход надсадно ревел, продираясь сквозь бесконечные хляби. Из-под колоссальных колёс во все стороны летели ошмётки чёрной тины и вырванные с корнем реликтовые папоротники. Внутри стоял оглушительный гул, перемешанный с удушливым запахом перегретого машинного масла и кислого табака водителя.

Адель прижалась лбом к заляпанному грязью стеклу. Пейзаж за окном напоминал затянувшуюся агонию самой природы: изломанные, лишённые листвы силуэты деревьев выглядывали из тумана, как обглоданные кости великанов. Их ветви, покрытые белёсыми нитями паразитического грибка, сплетались над дорогой в костлявый свод, сквозь который едва пробивался свет. Время здесь утратило линейность, превратившись в вязкую смолу, замедляющую каждое движение.

Девушку мутило от каждого рваного прыжка машины; же-

лезное нутро содрогалось так нещадно, что каша, съеденная наспех на рассвете, грозила вот-вот вырваться наружу. Пытаясь унять тошноту, Адель принялась лихорадочно рассматривать тесное пространство, цепляясь взглядом за любую деталь — лишь бы отвлечься от пляшущего перед глазами пола.

Взгляд замер на Кае. Он сидел напротив, вцепившись в лямки потрёпанного рюкзака, словно тот был единственным спасательным кругом. Адель поймала себя на мысли, что почти ничего о нём не знает. На вид ему было больше двадцати пяти: в углах рта залегли горькие складки человека, видевшего слишком многое. Каштановые волосы, влажные от пота и болотной сырости, спутанными прядями падали на лоб. А глаза — пронзительно-зелёные, цвета густой хвои.

Кай почувствовал её взгляд и на мгновение поднял голову. Глаза встретились, и Адель ощутила, как по лицу разливается предательский жар, а щёки наливаются румянцем.

Сердце пропустило удар, а потом забилось часто и неровно. Она резко отвернулась, едва не ударившись лбом о стекло, и принялась с преувеличенным интересом изучать мутные разводы грязи снаружи. Болотные пейзажи — вот что её занимало, и ничего больше. Кай вздохнул — устало, безразлично, — и от этого вздоха Адель сгорела от стыда ещё сильнее.

Первая остановка пришлась на пригородный рынок, приютившийся на краю зловонных хлябей: хаотичное нагро-

мождение ржавых палубных надстроек и грузовых контейнеров, которые за десятилетия вросли в топкую почву и превратились в извилистые клаустрофобные лабиринты.

Адель с облегчением вырвалась из кабины. Она едва не рухнула на колени: онемевшие кости ныли, по затёкшим ногам пробегали тысячи колючих игл.

На покосившихся прилавках, защищённых от вечной изморози кусками засаленного брезента, теснились товары, собранные со всего Квадранта. Над головами гудели натянутые провода, питая редкие голографические вывески; те дрожали и рассыпались искрами в сыром воздухе. Адель заметила, как один из торговцев быстро спрятал под прилавок прибор с мигающей красной лампой — в конце ряда мелькнул дрон.

— Не стой столбом, — Кай спрыгнул следом, приземлившись с глухим стуком.

— Я могу здесь немного осмотреться? — тихо спросила Адель у Харона, который слез на землю последним, тяжело опираясь на посох.

— Конечно, иди. Авось тебя и украдут, — с ехидной улыбкой вставил Кай. Но, наткнувшись на внезапно потяжелевший, грозный взгляд старика, осёкся и нехотя буркнул: — Шучу я. Просто шучу.

— Делай это как можно меньше, Кай. — Харон коротким воспитательным движением огрел внука посохом по щиколотке и повернулся к Адель: — Конечно, дитя, но далеко не уходи от Кая. А мне нужно заглянуть в одно местечко для

стариков.

С этими словами он направился к шатру с вывеской «Лекарства, выпивка, яды».

Адель благодарно кивнула и сделала первый шаг вглубь лабиринта торговых рядов. Металлический настил под ногами мелко дрожал от работающих где-то внизу генераторов.

Она ступала осторожно, боясь спугнуть колющее чувство, возникшее в груди, и жадно впитывала каждую деталь, словно пыталась собрать из осколков этого хаоса зеркало собственной души.

В огромных закопчённых котлах бурлило густое сомнительное варево, источавшее тяжёлый приторный дух — смесь навоза и перепрелых трав. Но даже этот смрад вызывал в ней странный отклик. Соседний прилавок был завален выпотрошенными навигационными блоками: из стальных утроб каскадами свисали разноцветные жилы проводов — липкие, перепутанные, как внутренности диковинных механических зверей. Адель замерла перед мерцающими индикаторами одного из блоков, и в груди вспыхнул дикий, почти детский восторг. Ей хотелось коснуться оголённых контактов: она знала — просто знала, — как соединить их, чтобы мёртвое железо ожило.

Напротив, на потемневших крюках и щербатых столах, покоились выпотрошенные туши болотных тварей, над которыми плотными гудящими облаками пиновала жирная мошара. Вперемешку лежали склизкие хребты, обрубки когти-

стых лап и чешуйчатые хвосты, источающие сладковатый запах разложения. В лотках, заполненных мутным льдом, теснились серые пульсирующие органы, предназначение которых знал разве что сам продавец. А Адель замерла, когда взгляд скользнул дальше: среди груды требухи и обрезков кожи лежали человеческие пальцы — тонкие, посиневшие от холода, с аккуратно подрезанными ногтями. Они были свалены вместе с потрохами ползунов, как случайный мусор, не стоящий внимания мясника.

— Куда так спешишь, милая? — Крючковые пальцы старой торговки вцепились в предплечье Адель. Лицо, испещрённое глубокими морщинами, напоминало растрескавшуюся почву, а из-под грязного платка на девушку уставились серые глаза.

— Я... я просто смотрю, что купить, — Адель дёрнулась, пытаясь высвободиться, но хватка старухи оказалась неожиданно сильной.

— Хочешь, нагадаю твою судьбу? Вижу, она у тебя тёмная, как бездна, и тянется за тобой тяжёлым шлейфом похоронного савана... — прошамкала гадалка, обдавая её кислым запахом трав и плесени.

— Что? — Девушка замерла, чувствуя, как внутри всё заледенело от этих слов. Прошлого не было, но жуткое будущее уже дышало ей в лицо.

— Да, вижу, вижу... что-то таится в тебе, дитя. — Одним ловким, почти фокусническим движением старуха извлекла

из бездонного кармана пожелтевшие игральные кости, вырезанные из чьих-то мелких позвонков. — Пойдём, я тебе всё расскажу. Пойдём в тень, пока свет не выдал твою черноту.

— Но... — Адель, заморожённая ритмичным постукиванием костей в кулаке старухи, нехотя сделала шаг вперёд.

— Чёрт!

Кай вырос за спиной Адель грозовой тучей, бесцеремонно перехватил запястье старухи и заставил её разжать пальцы. Сделал он это резко, с явной неохотой, будто спасение Адель из лап рыночной сумасшедшей было для него досадной обузой.

— Кажется, у нас подобные фокусы запрещены под страхом аннигиляции, — процедил он сквозь зубы, нависая над женщиной. — Или ты соскучилась по допросам инквизиторов?

— Остынь, милый. Я не обладаю магией, — гадалка отпрянула, криво ухмыляясь и пряча руки в карманы. — Мне дают ответы кости. А они никогда не врут.

Кай выругался под нос и, крепко перехватив Адель за локоть, потащил её прочь от лавки.

— Ты совсем идиотка? — прошипел он, когда они отошли на безопасное расстояние. — Ты хоть понимаешь, что она могла с тобой сделать?

— Я... я будто была в трансе, — проговорила Адель, пытаясь унять колотун в коленях. Образ костей из позвонков всё ещё стоял перед глазами. — Как она может видеть буду-

щее, если в ней нет магии?

— Никак. Это бредни полоумной, наглотавшейся спирта, — Кай зло сплюнул на ржавую решётку под ногами. — Старуха наплетёт тебе что угодно: про судьбу, про звёзды, про забытых богов — лишь бы заманить в подворотню, обобрать до нитки или продать в рабство.

Адель хотела выдать из себя слова извинения, но звук тяжёлого пульсирующего разряда в конце рыночной площади заставил её осечься. Пространство там пошло маслянистыми складками, и из ослепительно-белого разлома, чека-ня шаг, вышли фигуры в угольно-чёрной броне, с оружием наготове.

— Да чтоб вас всех в бездну... — Кай до боли сжал плечо девушки, и его пальцы задрожали. — Инквизиция.

Он резко развернул её, буквально вырывая из оцепенения, и потащил в противоположную сторону, прочь от сияющей бреши. Он двигался так стремительно, что Адель пришлось почти бежать, спотыкаясь о ржавые решётки настила и едва успевая уворачиваться от растерянных прохожих.

Она на ходу бросила взгляд через плечо. Вид отряда отозвался внутри ледяным, парализующим ужасом. Сомнений не было: если её схватят здесь, среди этих гнилых рядов, эта остановка станет последней в её жизни.

— Граждане, сохраняйте спокойствие! — над рынком разнёсся усиленный голос, лишённый всяких эмоций. — Это рядовая проверка безопасности. Прошу всех оставаться на

местах.

Голос звучал вежливо, но за вежливостью лязгала сталь гильотины. Рынок мгновенно затих, превращаясь в ловушку, где каждый шорох казался признаком вины.

Кай практически снёс Адель с ног, зашвырнув её в душное нутро вездехода. Девушка больно ударилась плечом о стальную выступ, но не издала ни звука, во все глаза глядя на Кая. Его лицо, обычно бледное, горело лихорадочным пятнистым румянцем, а в глазах металась паника, смешанная с яростью.

— Где Харон?! — Он безумно озибался, вглядываясь в колышущееся море серых спин и капюшонов. Среди толпы уже мелькали чёрные шлемы, неумолимо затягивая кольцо. — Значит так. Сиди здесь! Свернись клубком, стань тише мыши. Не смей высовываться, даже если услышишь выстрелы. Я найду старика.

Он закрыл тяжёлую дверь на себя. Металл лязгнул, окончательно отрезав Адель от внешнего мира.

Девушка забилась в самый дальний, тёмный угол кабины, втискиваясь между ящиками. Холод пробивал куртку, под лопатку впивался жёсткий угол. Она вжала лицо в рукав и боялась сделать даже вдох. Пот тёк по позвоночнику. Обшивка глухо передавала чужую жизнь: шаги снаружи — много, слишком много шагов; голоса, обрывающиеся на полуслове; где-то совсем рядом коротко звякнуло, и по стене прошла мелкая дрожь.

Голова отозвалась раскалывающей болью, и Адель с ужа-

сом поняла: внутри снова закипает та самая неуправляемая мощь. Зрение затуманилось, мир подёрнулся серой дымкой, по венам разлился жар. Девушка посмотрела на свои дрожащие руки: между пальцами, сплетаясь в причудливые узоры, прорастали тонкие сиреневые нити и извивались, как живые змеи.

— Нет! Нет! Только не сейчас! — в отчаянии прошептала Адель.

Она обхватила себя за плечи, сжалась в комок, пытаясь задавить то, что поднималось изнутри.

— Успокойся, — заклинала она себя, зажмурившись до боли. — Не здесь. Пожалуйста, не здесь.

Рядовая проверка была лишь вывеской. Аларик пришёл сюда не за людьми на площади: донос, добравшийся до Статис-Прайма через три руки, стоил того, чтобы явиться лично. На пригородном рынке Аэтерны торговала гадалка, читавшая судьбы тем, кому нечего было предъявить патрулю. От таких нитей рано или поздно тянулись руки Призрака — так, по крайней мере, утверждал донос.

— Миссис Сноуп? — произнёс он негромко, и имя хлестнуло по тишине рынка.

Старуха, ещё мгновение назад казавшаяся жалкой кучей тряпья, выпрямилась. Позвоночник её хрустнул, сгорбленные плечи расправились, и в облике появилось пугающее, почти величественное сходство с хищной птицей.

— Ну, раз вы знаете моё имя, командор, то, верно, яви-

лись по мою душу. Но мне нечего вам предложить. Я не ведьма.

— Разумеется. — Аларик сделал медленный шаг к ней.
— Однако вы гадаете. Предсказываете судьбы тем, кто готов расстаться с последним грошом ради призрачной надежды?

— Не я предсказываю. — Старуха криво ухмыльнулась, обнажая желтоватые дёсны, и выудила из кармана пожелтевшие костяшки. — Мои кости говорят. Я лишь эхо.

— А мне они смогут дать ответ?

— Задавайте, командор. — Женщина протянула ладонь.

— Кости, скажите мне, — Аларик подался вперёд, сокращая дистанцию до опасного предела, — шарлатанка Сноуп помогает еретикам?

Гадалка сжала кулак и поднесла его к самому уху, замирая в нелепой пугающей позе. Выждав несколько томительных секунд, в течение которых слышно было лишь прерывистое дыхание толпы, она прохрипела:

— Нет... Кости говорят «нет». И я говорю то же самое, командор. Мы чисты перед законом.

Аларику это показалось почти забавным. Губы под маской искривились в презрительной усмешке. Он видел эту неумелую игру насквозь — по дрогнувшим пальцам, по тому, как старуха переступила с ноги на ногу, будто земля под ней уже подтаяла. Ложь пропитывала каждое слово, каждое движение закрепощённых тел.

— Значит, вам совершенно нечего бояться, и вы со спо-

койной душой можете проследовать за нами? — В голосе прозвучал вежливый сарказм, от которого хотелось отступить на шаг.

Командор небрежным движением отступил в сторону, освобождая узкий проход и приглашая миссис Сноуп сделать первый шаг навстречу конвою. Расчёт был прост и беспощаден: если у старой лисы хватит ума не совершать глупостей, её тихо препроводят в Инквизиторий, а поисковые группы будут по винтику разбирать лавку и потрошить каждый мешок с костями.

Гадалка не двигалась, сверля командора глазами. В тишине, нарушаемой лишь шумом далёких турбин, казалось, можно было услышать, как она принимает свою участь.

Аларик ждал, застыв в позе обманчивого покоя. Он искренне наслаждался такими играми разума: ему нравилось наблюдать, как в людях медленно умирает надежда, уступая место холодному признанию неизбежного. Это походило на наблюдение за насекомым, запутавшимся в невидимой паутине.

— Ну же, миссис Сноуп, — подстегнул он её тихим роко-чушим шёпотом. — Не заставляйте моих людей проявлять излишнее рвение. Вежливость — редкая гостья в наших краях, цените её, пока она здесь.

Старуха сделала первый неуверенный шаг, и в этот миг Аларика прошло насквозь. Это не было физическим ощущением — скорее внезапным искажением самой реальности.

Мир утратил прозрачность. Воздух в одно мгновение стал тяжёлым, словно командор оказался в толще глубокой воды, а пространство наполнилось невидимым статическим электричеством. Он замер, кожей чувствуя, как мироздание вокруг него мелко вибрирует.

Он стал осматриваться, и движения его обрели почти болезненную остроту. Со стороны могло показаться, что он ищет бесценную вещь, выпавшую у него из рук. Карие глаза под маской бешено метались от одного прилавка к другому, сканируя застывшие лица торговцев и тени в подворотнях. Выйдя на середину растоптанной улицы, командор остановился, тяжело и хрипло дыша через фильтры шлема. Внимание его приковала транспортная остановка. Там, окутанные ядовитым паром Аэтерны, замерли в ряд около десяти вездеходов — приземистых, покрытых слоями засохшей грязи. Над ними на миг возникло сиреневое марево, ослепляя призрачным блеском, но через секунду сместилось в противоположную сторону, как дым на ветру.

— Монстры! Пустые!

Сонная тишина пригорода взорвалась кровавым хаосом. Толпа, ещё недавно покорно замершая под прицелом Инквизиции, превратилась в безумный, неуправляемый поток тел. Люди бросали товар, давили друг друга, лезли в узкие переулки — прочь от того, что поднималось из тумана.

Отряд командора, действуя как единый отлаженный механизм, мгновенно перешёл в боевой режим. Площадь запол-

нилась оглушительным ритмичным грохотом: тяжёлые пули с визгом прошивали влажный воздух, и каждая находила цель. Пустые, чьи белёсые тела казались сотканными из застывшего дыма, содрогались от попаданий — из них вырывало куски призрачной плоти, и та осыпалась на землю липкой чёрной пылью.

Несмотря на потери, твари двигались с пугающей ломаной грацией, не замечая боли. Они скользили над грязью неведомыми тенями, и каждый их выпад стоил жизни гвардейцу или случайному прохожему.

— Держать строй! — проревел Аларик, и его голос перекрыл вопли умирающих.

Сквозь пороховой дым он увидел, как старуха Сноуп, разом лишившись напускной немощи, сорвалась с места. Она скользнула в сторону, пытаясь раствориться в мечущейся толпе, — юркая, лёгкая, будто и не было перед ним дряхлой торговки.

Единственная зацепка не могла исчезнуть в этой неразберихе. Командор рванул из ножен Аэрон, и клинок вспыхнул яростным алым светом, залив площадь кровавым заревом.

Морн устремился за беглянкой. На пути встали пустые: их лишённые веса тела преграждали дорогу, как ожившие статуи. Аэрон не знал преград. Одним широким взмахом Аларик разрубил ближайшую тварь надвое, и та с шипением рассыпалась искрами. Следующего монстра, вынырнувшего из тени перевёрнутого прилавка, он встретил коротким точ-

ным выпадом: пылающее лезвие вошло в призрачную грудь, и тварь издала беззвучный вибрирующий вопль, прежде чем выгореть изнутри яркой вспышкой.

На долю секунды Аларiku показалось, что цель упущена: лоскут одежды старухи растворился, словно его и не было. Но стоило ему сделать шаг в сторону, как прямо под ноги, в грязь, рухнул человек.

Над несчастным навис пустой, придавив его к земле своей полупрозрачной массой. Парень сдерживал монстра из последних сил, упираясь дрожащими руками в грудь чудовища. Безликая маска твари замерла в сантиметре от его горла, готовая впиться и выпить искру жизни; кожа человека уже покрывалась инеем, а дыхание вырывалось хриплым предсмертным стоном.

Морн среагировал с быстротой атакующей кобры. Короткий свистящий взмах — и голова твари, лишённая веса, отлетела в сторону и рассыпалась облаком чёрной сажи, не успев коснуться земли.

Тело монстра истаяло, оставив после себя только холод, и парень наконец сделал судорожный, жадный вдох. Он зашёлся в кашле, глядя на возвышающегося над ним командора как на демона, восставшего из пекла. Алое сияние Аэрона кровавыми бликами ложилось на его бледное лицо, превращая каждую каплю пота в искру.

— Вставай, если хочешь жить, — пророкотал Аларик, даже не удостоив спасённого взглядом.

Аларик настиг беглянку у зазора между кузовами вездеходов. Клинок вырос прямо перед носом старухи, отрезая путь. Не давая ей опомниться, командор рывком сократил дистанцию: свободная рука в перчатке сомкнулась на её плече. Одним движением он сорвал гадалку с места, лишив опоры под ногами. Старуха только хрипнула, когда Морн, не сбавляя темпа и не оборачиваясь на замершие рядом машины, потащил её за собой сквозь хаос бойни.

— Уходим! — Он шёл напролом. В кулаке волочилась безмолвной тушей гадалка, чьи ноги едва задевали землю. Отряд «Вестников Пепла» слаженно сомкнул ряды за спиной своего лидера: стволы карабинов изрыгали смерть, методично превращая наступающих чудовищ в облака праха.

Лишь потому, что в этот час Аларик Морн оказался здесь, кровавая жатва пустых не собрала полный урожай. Его солдаты, как бездушные механизмы войны, выкашивали тварей десятками, очищая площадь от призрачного льда. Но в их действиях не было ни капли милосердия, ни тени сочувствия к кричащим от ужаса жителям. Инквизиторы разили монстров не ради спасения смертных — они защищали свою честь, свою жизнь и, прежде всего, неприкосновенность командора. Люди вокруг были для них помехой, досадным шумом в зоне боевых действий. Когда Аларик шагнул в ослепительный зев развернувшегося портала, увлекая за собой пленницу, отряд последовал за ним, оставив за спиной дымящееся пепелище, усеянное телами и гильзами.

Дикие, рвущие барабанные перепонки крики и сухая яростная пальба заставили Адель, преодолевая боль и страх, прильнуть к заляпанному грязью окну. Осторожно, как пугливый зверёк из норки, она всматривалась в то, что творилось снаружи, боясь моргнуть. Мир за стеклом превратился в пульсирующую кошмарную массу: вспышки выстрелов на мгновение выхватывали из серого тумана перекошенные ужасом лица бегущих людей и колышущиеся силуэты, что скользили над землёй, будто листы бумаги на ветру. Фигуры в чёрной броне стояли среди этого моря паники неподвижными утесами.

В самом центре кровавого безумия металась фигура старухи-гадалки. Она бежала, согнувшись в три погибели, пытаясь раствориться в едком пороховом дыму.

Сердце Адель почти перестало биться, когда она увидела Кая: он был всего в секунде от неминуемого конца. Чудовище нависло над ним, готовое выпить искру его жизни, и парень отчаянно цеплялся за ускользающую реальность. Забыв об осторожности, девушка была готова рвануться к двери и выпрыгнуть из убежища навстречу монстрам — лишь бы успеть. Но пространство разорвала багровая вспышка. Инквизитор с пылающим мечом снёс голову твари коротким сокрушительным взмахом.

А потом тот же алый клинок полыхнул у самых кузовов: рука в перчатке рванула старуху к себе, и обе тени исчезли в белой вспышке портала.

Адель судорожно выдохнула, но в тот же миг боль прошла её насквозь, от затылка до пяток. Девушка безвольно скрючилась на грязном полу, до крови впиваясь ногтями в ладони и едва сдерживая рвущийся наружу крик. Воздуха не стало. Пространство кабины поплыло, внутри черепа вспыхнул ослепительный пожар, и перед глазами, сменяя друг друга с частотой безумного стробоскопа, начали мелькать обрывочные чужеродные картины.

Мягкий рассеянный свет, льющийся откуда-то сверху, из невидимых ламп. Женщина с тонкими холодными пальцами медленно расчёсывает длинные волосы Адель. Зубья гребня мерно царапают кожу головы, и звук отзывается в ушах.

— Ты большая умница, — с гордостью проговорила незнакомка.

Адель видела свои маленькие руки, лежащие на коленях. На ней было белое платье, усыпанное цветами. Вдруг откуда ни возмись появился мальчишка, чьего лица она не могла разглядеть из-за слепящего света за его спиной. Он крутился рядом, подбрасывая в воздух блестящий металлический диск, и голос его был задиристый, полный жизни.

— Пойдём, — он протянул ладонь. — Там расцвели небесные лилии.

Картинка дёрнулась и пошла трещинами. Голос мальчика стал глухим, будто он кричал из-под толщи воды, а его руки превратились в когтистые лапы, которые сжали горло Адель. Девушка подлетела с пола, подброшенная волной ужаса.

Сердце колотилось о рёбра.

За обшивкой вездехода всё утихло. Тишина поглотила недавние крики, яростный лай карабинов и свист портала; мир перестал существовать, оставив её одну в тёмной железной утробе. Сколько времени Адель провела в оцепенении, переваривая обрывки чужого голоса и холод прикосновений, она не знала. Решив, что тишина пугает её сильнее бойни и что сидеть здесь дальше нет смысла, она дрожащими пальцами нащупала рычаг. Дверь поддалась с натужным, стонущим скрежетом.

Она сделала первый неуверенный шаг, и подошва сапога с хрустом раздавила чью-то брошенную маску. Вокруг лежали люди: кто-то стонал, кто-то замер навсегда, с открытыми глазами, полными отражённого багрового неба.

Адель пошла, едва переставляя ноги, высматривая знакомые черты и боясь увидеть их среди мёртвых. Нельзя сказать, что эти двое стали ей по-настоящему близки, но они были единственной ниткой, связывавшей её с миром. Без них она превращалась в бесправную тень, которой некуда идти. Наконец из-за перевёрнутого стола вынырнула знакомая фигура. Это был Кай. Он шёл навстречу, пошатываясь; куртка его была перепачкана и местами порвана.

— Харона нет в аптечной лавке! — В глазах парня читалось детское отчаяние. — Его нигде нет!

— Мы найдём его, Кай. Обязательно найдём, — Адель шагнула к нему, стараясь придать голосу твёрдость, которой

не чувствовала.

Они двинулись в глубь разорённого рынка, который напоминал теперь развороченное нутро гигантского зверя, павшего в бесславной битве. Пространство было изуродовано до неузнаваемости: листы обшивки и пластиковые перегородки изрешечены пулями. Повсюду, как внутренности, разбросаны товары, навсегда утратившие ценность; столы валялись вперемешку с разбитыми колбами, из которых вытекала флуоресцентная жижа, шипя и пузырясь.

— Где же ты... — Кай споткнулся о чью-то оторванную руку, но даже не заметил этого. Адель, видя его слепое отчаяние, приняла молчаливое решение поступить так же.

— Харон! — крикнула она, увидев, как какой-то мужчина осторожно опускает старика на холодную землю. Харон был бледен как полотно, голова его безвольно свесилась на грудь.

В мгновение ока они оказались рядом. Кай рухнул на колени, и пальцы его судорожно потянулись к шее деда.

— Что с ним? — обратилась Адель к незнакомцу.

— Да откуда мне знать-то! — выпалил тот, вытирая пот со лба грязным рукавом. — Наткнулся на него за аптечной лавкой, в самом тупике. Я туда прятаться бежал, когда эти твари из тумана полезли. Смотрю — лежит пластом. Ну, думаю, всё, отбежался старик. Подхожу ближе, присмотрелся — а нет, дышит! Видать, зашибло чем-то или просто духу не хватило на этот кошмар смотреть, вот и вырубился прямо в грязи.

Кай принялся быстро и профессионально осматривать деда: осторожно приоткрыл ему веки, проверяя реакцию зрачков на тусклый свет, прижал пальцы к жилистому запястью. Пульс был редким, но ровным: сердце старика держалось.

— Просто обморок, — выдохнул Кай. — Может, ударился или сердце прихватило. Потащили его на вездеход, здесь холодает.

Кай судорожно подсунул руки деду под плечи, Адель перехватила обмякшего старика за ноги, и вдвоём, задыхаясь от напряжения, они понесли его через разгромленный рынок. Продираясь меж опрокинутых деревянных прилавков, они упрямо двигались к спасительному борту вездехода.

Глава 3

Планета Стазис-Прайм

Камера допросов была воплощением холодного торжества. Здесь не было углов — лишь плавные, бесшовные переходы белого матового полимера, залитого ослепительным бестеневым светом, который вгрызался в сетчатку не хуже лазера. Стены, покрытые слоем звукопоглощающего нано-геля, превращали любой вскрик в короткий, оборванный всхлип, не давая боли даже эха. В центре этого стерильного ада возвышался массивный стол из ледяного хрома, к которому магнитными захватами была пригвождена пленница.

Аларик замер за пуленепробиваемым стеклом односторонней видимости, превратившись в безмолвную тень, застывшую в холодном полумраке наблюдательного поста. Сквозь прозрачную преграду он бесстрастно взирал на то, как допросники-эзекуторы в белых безликих масках раскладывают на передвижных столиках инструменты, готовясь приступить к своему кровавому ремеслу.

Сам командор крайне редко удостоивал подобные мероприятия своим присутствием. Это было обусловлено и его высоким статусом, не предполагавшим прямого контакта с «грязной работой» Инквизиции, и его личным принципом — Аларик не выносил пустой траты сил и времени. Он предпочитал входить в допросную лишь тогда, когда воля жертвы

была уже окончательно сломлена, а сознание превращено в податливый воск.

Один из экзекуторов медленно вытянул руку вперёд. С негромким, пугающим шипением из его ладони вырвались ядовито-зелёные нити. Они извивались в воздухе, словно голодные призрачные черви, и с хищной точностью устремились к голове старухи. Нити принялись обвивать череп пленницы — безжалостно и без спешки. «Черви» ввинчивались в ушные раковины и скользили под веки, просачиваясь прямо в глазницы, стремясь добраться до сокровенных чертогов разума.

Сноуп резко дёрнулась, её тело выгнулось дугой в магнитных оковах. Она начала лихорадочно мотать головой, охваченная инстинктивным, животным омерзением, будто отчаянно пыталась отогнать рой невидимых смертоносных насекомых, вгрызающихся в её мозг. Из горла вырвался задушенный, клокочущий хрип, а пальцы свело; они царапали металл стола.

Хватило всего минуты, чтобы пленница обмякла, проиграв схватку с ментальным насилием. Сноуп потеряла сознание, её голова безвольно упала на грудь, а тело ещё вздрагивало редкими толчками.

Допросник резким жестом оборвал изумрудное сияние нитей и коротко кивнул коллеге. Тот, действуя с быстротой отточенного механизма, схватил со стола пузырьёк. Раздался сухой щелчок, и камеру залил резкий запах стимуляторов.

Палач поднёс фиал к самому носу старухи, заставляя её лёгкие судорожно сократиться.

— Командор, пока пусто, — голос допросника прозвучал разочарованно.

— Продолжайте, — отдал приказ Аларик. — Хоть наизнанку её выверните, но добудьте мне информацию.

Морн замер, всматриваясь в багровую пустоту своего видения. Мысли упрямо возвращались в топи: там, среди злобных испарений, таилось нечто большее, чем выжившая из ума старуха и свора безликих тварей. Он отчётливо зафиксировал тот магический всплеск — чужеродный, пульсирующий, ударивший по его чутью острее инквизиторского клинка.

Рассудок хладнокровно шептал, что этот импульс мог исходить от самих Пустых — ведь эти вырождающиеся сами были сотканы из магии, пусть и самой извращённой, кровавой и тёмной. Но звериное чутьё командора, отточенное в сотнях зачисток, упрямо твердило иное: если бы не внезапный прорыв монстров, он бы вытряс из этого рынка что-то ещё. Какую-нибудь недобитую ведьму или заносчивого колдуна, которые по своей непроходимой тупости рискнули применить силу прямо под носом у Инквизиции. Если там и правда кто-то был, ему просто повезло: хаос боя подарил лишние минуты жизни. Но Аларик знал — удача товар скоропортящийся. И рано или поздно до всех доберутся.

После второго круга ментального выжигания Сноуп по-

требовалось гораздо больше времени, чтобы вынырнуть из беспросветной бездны. Казалось, старуха уже занесла ногу над порогом смерти, и её иссохшая, истерзанная душа вот-вот окончательно растворится в стерильной белизне допросной. Но экзекуторы Инквизиции, точно хладнокровные жнецы, не давали ей этого милосердного исхода, вырывая из небытия снова и снова. Кожа гадалки побледнела до синевы, став похожей на мокрый пергамент, а дыхание превратилось в прерывистый, свистящий хрип.

— Если её тело сдаст раньше, чем разум, вы отправитесь следом за ней, — отрезал командор.

Старуха Сноуп оказалась невероятно стойкой для своего возраста. Её измождённое тело содрогалось в магнитных захватах, но она держалась до последнего. Лишь после четвёртого, самого жестокого круга нейронного штурма, когда изумрудные нити допросников превратились в ослепительные жгуты, выжигающие всё на своём пути, её внутренняя крепость рухнула.

— Жду полный отчёт через пять минут. Это тело можете выкинуть, оно больше не представляет ценности, — бросил Аларик, после чего удалился из пыточной секции.

Едва за ним сомкнулись массивные створки кабинета, Аларик ощутил, как на плечи невидимым прессом навалилась усталость. Он внезапно осознал: память упорно отказывается называть дату его последнего сна. Окружающие видели в нём робота, лишённого слабостей, и командор с пугаю-

щим усердием поддерживал этот миф. Но внутри него рос глухой гнев на собственную уязвимость. Вся его смертность казалась ему величайшим предательством. Существо, в чьих жилах текло наследие драконов, способное разрывать миры, было заложником собственного скелета. Его бесил этот разлад — бесконечная мощь инквизитора, запертая в клетке из податливой плоти. Он ненавидел свою кожу за то, что она могла кровоточить, и свои лёгкие за то, что им нужен был воздух. Он был живым оружием, которое начало ржаветь от самой жизни.

Аларик стянул шлем, бросив его на стол, точно отсечённую голову поверженного врага. Визор маски ещё тускло мерцал багровым, а сам он, наконец подставив осунувшееся лицо холодному свету лампы, тяжело плюхнулся в кресло. В тишине кабинета командор закрыл глаза, но вместо покоя его снова вернуло в тот карьер, где остался кусок и от него самого. Там ему открылась простая и страшная правда: они не боги. Они лишь проводники, чьи тела сгорают от слишком яркого света.

Внезапно экран терминала на столе ожил, вспоров полумрак кабинета резким голубым сиянием. В тишине раздался требовательный сигнал — пришёл долгожданный отчёт. Аларик нехотя разомкнул веки и, подавшись вперёд, впился взглядом в бегущие строки текста, слегка прищурившись от непривычной яркости. Допросники выжали из старухи всё до последней капли: на мониторе пульсировали координаты

логова, где, по всем расчётам, встречались еретики.

Больше не было нужды гадать и метаться в поисках следа. Цель была помечена кровавым маркером. Командор поднялся, и его смертная плоть, ещё минуту назад молившая о покое, теперь подчинилась железной воле инквизитора.

Планета Аэтерна.

Харон приходил в себя мучительно. Это не было обычным пробуждением — казалось, он продирается сквозь слои плотной, тяжёлой ваты, застилающей сознание. Его грудь ходила ходуном, а из горла вырывался свистящий звук, будто лёгкие внезапно разучились дышать. Старик судорожно цеплялся пальцами за край скамьи, и его ногти скребли по железу, оставляя едва заметные борозды.

— Дед! Дыши! — Кай навалился на него всем весом, пытаясь удержать на месте, пока машину подбрасывало на невидимых кочках.

Наконец Харон резко вскинул голову. Его веки распахнулись рывком, обнажая мутные зрачки, в которых всё ещё плескался ужас пережитого кошмара. Старик обвёл кабину затравленным взглядом, зацепился за бледное лицо Кая и, лишь убедившись, что внук цел, перевёл взор на Адель. Девушка слабо, ободряюще улыбнулась, давая понять, что буря внутри неё на время утихла.

Харон тяжело сел, обхватив голову ладонями. Его бил крупная дрожь, а челюсть мелко постукивала, словно от невыносимого холода, просочившегося в самую душу. Он

яростно затряс головой, пытаясь стряхнуть с себя остатки забытья.

— Что с тобой случилось? — спросил Кай.

— Я видел... видение, — старик замер, и его лицо исказилось от тщетной попытки собрать осколки увиденного в единую картину. — Оно было таким сумбурным, непонятным. Что за бред я видел?

— Свою гениальную идею отправиться в это самоубийственное путешествие, не иначе, — едко подколот Кай, откинувшись назад на жёсткую спинку сиденья, и запрокинул голову вверх.

— Как вы себя чувствуете? — Адель чуть подалась вперёд, протягивая Харону бутылку с водой.

— Мутит немного... — Харон принял бутылку, и его пальцы судорожно вцепились в пластик. — То ли от этой проклятой качки, то ли от язвительного языка моего внука.

— Что это были за монстры? — наконец решилась спросить Адель. Этот вопрос жёг ей язык ещё с того мгновения, как она увидела Кая в когтях призрачной тени, но среди грохота выстрелов и криков слова казались лишними.

— Это Пустые, дитя, — Харон заговорил так, словно начинал старую, забытую сказку, от которой по коже пробегает мороз. — Никто не знает точно, откуда они взялись. Говорят, что они пришли, когда Завеса отделила четыре планеты от всей остальной вселенной. Какая-то неведомая, тёмная сила обращает людей в этих существ. Она выпивает из них всё:

память, тепло, саму искру осознания, оставляя лишь оболочку, гонимую вечным холодом. Пустые лишены разума, у них осталось лишь одно неутолимое желание — убивать и плодить себе подобных.

— Они не просто едят тебя, — добавил парень. — Они стирают тебя. Если такая тварь сомкнёт когти на твоём горле, ты перестанешь существовать ещё до того, как твоё сердце сделает последний удар. Инквизиция делает вид, что выжигает их легионами, но меньше их не становится.

Рассказ Харона отозвался в душе Адель ледяным звоном. Она слушала его, не смея пошевелиться, а пальцы непроизвольно впились в грубую ткань штанин. Образ пустой оболочки, в которую превращается живой человек, вызвал у неё приступ дурноты, куда более сильный, чем от качки вездехода. Для неё, потерявшей память, не было ничего страшнее этой «пустоты». Адель и так чувствовала себя чистым листом, стёртой страницей, а теперь узнала, что в тумане рыщут существа, способные выпить даже те крупички тепла, что у неё остались.

Казалось, время превращает дорогу в бесконечную, изматывающую вечность. Они делали редкие, короткие остановки — лишь для того, чтобы урвать пару часов рваного сна, проглотить безвкусный паёк и окончательно не лишиться рассудка в железном чреве машины. Но после жуткого рассказа Харона покой стал для Адель ещё большей роскошью. Теперь девушка боялась оставаться на одном месте и тем бо-

лее — смыкать веки. Стоило вездеходу замереть, как тишина снаружи начинала казаться ей живой и голодной. Адель чудилось, что Пустые уже здесь: они бесшумно скользят вдоль ржавых бортов, принохиваются к теплу живых сердец и терпеливо ждут того самого мгновения, когда бдительность беглецов даст трещину.

— Было куда проще, когда я не помнила о Пустых, — прошептала Адель, плотнее прижимая ладони к чахлому костру.

— Поверь, в этом мире полно вещей куда страшнее голодных теней, — монотонно отозвался Кай. Он сидел напротив, помешивая угли обломком арматуры. — К ним привыкаешь. Человек ко всему привыкает. Я вот адаптировался в семь лет, когда отец прямо у меня на глазах уложил двоих таких выродков.

При упоминании отца голос парня на мгновение дрогнул, а привычная колючая уверенность осыпалась, как прогоревшая зола. Кай резко замолчал, и выражение его лица неуловимо изменилось: желваки на скулах окаменели, а в глубине глаз отразилась такая беспросветная, застарелая тоска, что Адель стало не по себе.

Адель не находила слов: у неё не было своего прошлого, не было сокровенной боли, которой она могла бы поделиться. Девушка подняла голову к небу, ища там хоть какую-то опору или знак.

Оно было щедро усыпано мириадами звёзд — бесконечными, незатухающими искрами, которые дрожали в вышине,

словно рассыпанная по бархату алмазная крошка. Каждое созвездие горело своим особенным светом: одни пульсировали холодным серебром, другие отливали нежным золотом, точно крошечные небесные фонарики, зажжённые чьей-то невидимой рукой. Эта бездна казалась Адель живой и глубокой, манящей своей недостижимой чистотой.

На мгновение девушке показалось, что если она протянет руку, то коснётся их, и они выжгут из её памяти всю мглу, оставив лишь этот ослепительный звёздный покой. Но чем дольше она всматривалась в эту бездну, тем сильнее её сердце сжимала странная тоска: она знала эти звёзды. Она помнила их расположение, будто когда-то давно, в другой жизни, они были её единственными ориентирами в бесконечном пути.

— Надеюсь, я вспомню своих родных, — тихо произнесла Адель, не отрывая взгляда от мерцающих небесных фонариков. — Хотелось бы верить, что они у меня есть.

— Мне бы тоже этого очень хотелось, — отозвался Кай, и в его голосе проскользнула непривычная мягкость, тут же сменившаяся привычной жёсткостью. — Но послушай, я уже говорил и повторяю: я не верю в видения деда. Когда-то давно, в другой жизни, они, может, и имели смысл, в них была логика. Но после ухода родителей Харон будто окончательно провалился в собственное безумие. Мой тебе совет: когда доберёшься до места, узнай у этой его знакомой всё, что сможешь, о своём прошлом. Вытряси из неё каждое имя, каж-

дую дату. Но не впутывайся в их фанатичные игры по «спасению мира». Насмотрелся я на таких спасителей. От них остаются только пепелища и сироты.

— Твои родители были спасателями? — Адель затаила дыхание, боясь нарушить внезапную хрупкость момента.

— Да, — Кай горько усмехнулся, глядя на то, как угли подёргиваются. — Мама была ведьмой, а отец обычным человеком. Но они оба хотели помогать людям. Жаль, что недолго продлился их альтруизм. Инквизиция нашла их.

— Мне очень жаль, Кай. — Адель качнулась к нему, желая обнять парня, но в последний миг одёрнула себя, подавив порыв.

— С тех пор утекло слишком много воды, — Кай произнёс это почти механически. — Нет смысла теперь плакать. Просто запомни мои слова. Ну а теперь нам пора выдвигаться.

Парень поднялся, отряхивая ладони от сажи с таким видом, будто стряхивал само воспоминание о родителях. Его взгляд, вновь ставший резким и расчётливым, устремился в сторону Харона.

Тот у самой кромки густой тени вездехода вёл оживлённый спор с водителем. В неверном свете костра их силуэты казались карикатурными тенями на фоне ржавого металла: старик размахивал костлявыми руками, чертя в воздухе воображаемые маршруты, а его собеседник яростно жестикулировал в ответ, то и дело тыча пальцем в сторону непро-

глядной мглы.

Местность, в которую вкатился вездеход, уже походила на город, застывший во времени. Двухэтажные дома, почерневшие от сырости, горделиво возвышались над обочиной, словно суровые стражи, провожающие чужаков недобрыми взглядами пустых окон. Вместо вязкой болотной жижи под массивными колёсами теперь гудел старый, выдавший виды асфальт, изрезанный глубокими трещинами, сквозь которые пробивался жёсткий сизый мох.

Едва троица спрыгнула на асфальт, Харон, не тратя времени на прощания, сунул в руку водителя засаленный кошель с монетами и, не проронив ни слова, стремительно зашагал вглубь каменного лабиринта. Его сторбленный силуэт удивительно ловко лавировал между прохожими, а посох мерно выстукивал ритм по разбитой мостовой. Адель и Кай двинулись следом, едва поспевая за стариком.

Повсюду сновали люди: кто-то бежал, низко надвинув капюшон, кто-то яростно спорил в тени подворотен, а из открытых дверей сомнительных кабаков доносился надрывный кашель и лязг металлической посуды. Адель казалось, что она попала в растревоженный муравейник. Она инстинктивно вжала голову в плечи, стараясь не задевать несущихся куда-то горожан, чьи лица казались неживыми в свете тусклых неоновых вывесок, мигающих на каждом углу. Здесь, среди этого людского водоворота, их маленькая группа была лишь ещё одной тенью, ищущей спасения.

Харон привёл их к приземистому, тронутому временем дому, который, казалось, дремал в тени более высоких соседей. Остановившись у тяжёлой дубовой двери, старик вдруг засуетился: он торопливо разгладил полы поношенного плаща и пятерней зачесал назад поредевшие седые волосы, словно внезапно помолодевший кавалер перед важным свиданием. Его пальцы заметно дрожали, когда он трижды, с особым ритмом, постучал в кольцо.

Дверь со скрипом отворилась, и на пороге возникла высокая, удивительно статная женщина. Она внимательно, почти изучающе скользнула взглядом по настороженным лицам Кая и Адель, но стоило ей увидеть Харона, как ледяная маска безразличия треснула, и губы тронула тёплая, искренняя улыбка.

— Какие люди! — воскликнула она, и её голос, глубокий и грудной, разлился по узкому переулку. Женщина порывисто подалась вперёд, заключая старого приятеля в крепкие объятия.

— Люси, ты всё так же прекрасна, время над тобой не властно, — пробормотал Харон, неловко, но с явным удовольствием отвечая на ласку.

— Ну проходите же быстрее. — Люси отступила в сторону, гостеприимно распахивая дверь в уютный полумрак дома. — А этот хмурый симпатяга, я полагаю, Кай? Совсем вымахал, вылитый отец.

Кай неловко и почти по-детски улыбнулся, слегка покрас-

нев. Он галантно придержал тяжёлую створку, пропуская Адель вперёд себя.

Как только тяжёлая дверь захлопнулась, отсекая гул улицы, Адель окутала обволакивающая, почти забытая тишина. Прихожая переходила в просторную гостиную, где стены были до самого потолка заставлены стеллажами из тёмного, морёного дерева. Повсюду теснились книги в потрескавшихся кожаных переплётках, пожелтевшие свитки и странные механизмы, чьи латунные шестерёнки тускло поблёскивали в неверном свете масляных ламп.

— Присаживайтесь, не стесняйтесь. — Люси мягко указала на широкий, обтянутый потёртым сапфировым бархатом диван, который стоял в самом уютном углу у камина.

Она грациозно развернулась, и полы её длинного платья качнулись.

— Я сейчас согрею чайник.

— О, я помогу тебе! — Харон засеменил за хозяйкой дома в сторону кухни, виляя всем телом от нетерпения, словно преданный, радостный пёс, который наконец-то дождался возвращения любимого человека. Старик чуть ли не подпрыгивал на ходу, заглядывая Люси в лицо и что-то восторженно нашептывая, пока они скрывались за занавеской.

— Гляньте на него, старый котяра! — с нескрываемым изумлением выдохнул Кай.

Адель прикусила губу, едва сдерживая рвущийся наружу смех. Наблюдать за преображением Харона было истинным

удовольствием: в присутствии Люси он будто сбросил с плеч добрых три десятка. Перед ними расхаживал опытный, галантный донжуан, чьи жесты обрели неожиданную лёгкость, а в голосе прорезались игривые, бархатистые нотки.

Люси и Харон вернулись из кухни с тяжёлыми фарфоровыми подносами, уставленными изящными чашками и рассыпчатым печеньем, которое ещё хранило тепло печи. Поставив угощение на низкий резной столик, они с хозяйским изяществом устроились в глубоких креслах напротив дивана, словно два старых заговорщика, наконец-то собравшихся у домашнего очага.

Адель и Кай, в отличие от них, неловко плюхнулись на мягкий сапфировый бархат. После бесконечных дней в тесной душной кабине вездехода этот диван казался им облаком — слишком мягким, слишком мирным и пугающе непривычным. Они сидели плечом к плечу, чувствуя, как жар камина медленно вытапливает из их мышц дорожное напряжение.

— Ну, этих красавчиков я знаю, — пропела Люси, грациозно разливая по чашкам дымящийся настой. — А тебя как зовут?

— Адель, — тихо отозвалась девушка, чувствуя, как под пристальным, изучающим взглядом хозяйки по коже пробегают мурашки.

— Адель, красивое имя. Ну и что же привело вас всех ко мне? Неужели хотите, чтобы я помогла вам со свадьбой?

От этих слов Кай, только что сделавший жадный глоток раскалённого настоя, поперхнулся. Громкий, надрывный кашель эхом разнёсся по притихшему дому, точно беспорядочные удары барабанов, заставляя тонкий фарфор в буфете испуганно дребезжать. Пока Кай заходил в громоподобном кашле, Адель до боли вглядывалась в чайники, плавающие на дне, мечтая лишь об одном — провалиться сквозь этот уютный пол прямо в бездну.

Харона эта сцена, напротив, развлекла не на шутку. Старик откинулся на спинку кресла, и его сухой, дребезжащий смех заполнил гостиную. Он с явным удовольствием наблюдал за пунцовыми щеками Кая и тем, как Адель пытается слиться с обивкой дивана.

— Ладно, Кай, вспомни о манерах, прекрати этот грохот, — проворчал Харон, дождавшись, пока внук наконец перестанет сотрясать воздух. Старик сделал чинный глоток чая, прикрыв глаза от удовольствия, а затем поставил чашку на блюдце. — Люси, шутки в сторону. Нам нужна твоя помощь с Адель. Она ведьма и совершенно ничего не помнит о себе.

— Вот как. — Взгляд женщины, до этого искрящийся лукавством, внезапно превратился в два холодных, пронзительных лезвия. Она принялась буквально бурить в Адель дыру. — Я могу попытаться, но ничего не обещаю. Идёмте за мной.

Люси жестом приказала им подняться и повела в самую глубь дома. Миновав уютную гостиную, они оказались в про-

сторной спальне, где над кроватью висело колоссальное, в тяжёлой позолоченной раме полотно, изображавшее штурмовое море. Женщина коснулась едва заметного выступа на раме, и громадная картина с глухим рокотом отъехала в сторону, обнажая зияющий зев потайного прохода.

Дом Люси оказался шкатулкой с двойным дном. За холстом скрывалась винтовая лестница, уходящая глубоко под фундамент. С каждым шагом вниз Адель чувствовала, как по её телу пробегают сотни мурашек от скользящего холода.

Пространство затопило мягкое, живое сияние десятков факелов, закреплённых в кованых кронштейнах вдоль стен. Но их огонь был странным: пламя не дымило и не трещало, оно горело ровным, изумрудно-белым светом, заставляя тени на стенах плясать причудливый танец.

— Вы двое, стойте здесь, — её голос прозвучал как хлёсткий удар плети, не терпящий возражений. — А ты за мной.

Люси провела девушку в крохотную, аскетичную комнатку, скрытую в самой глубине подземелья. Здесь не было факелов — лишь тусклый свет, сочащийся прямо из каменных сводов. Из мебели здесь находились только массивный круглый стол из тёмного дуба, испещрённый глубокими бороздами, и невысокий, окованный медью шкафчик.

Женщина встала прямо напротив Адель. На мгновение по её лицу пробежала тень острого сомнения, а в глазах отразилась борьба. Казалось, Люси сама пугалась того, что собиралась пробудить. Но, резко тряхнув головой, она отогнала

минутную слабость и решительно протянула руки вперёд. Её ладони замерли в нескольких сантиметрах от висков Адель, и воздух между ними мгновенно наэлектризовался.

— Стой смирно, девочка. Это не больно, если ты не будешь сражаться с самой собой, — голос Люси стал низким, вибрирующим, проникающим под самую кожу.

Адель замерла, боясь даже вздохнуть под пронизывающим взглядом хозяйки дома. В следующую секунду в её черепе начало стремительно нарастать вязкое, давящее напряжение, словно мозг пытались сжать невидимые тиски. В ушах возник нарастающий гул, похожий на рокот яростного прибоя, разбивающегося о скалы памяти. Перед глазами поплыли мутные, расплывчатые круги, которые множились и сплетались в причудливые узоры, лишая её связи с реальностью.

Девушка уже готова была окончательно провалиться в бездонный транс, как вдруг Люси резко оборвала контакт, сделав порывистый шаг назад. Её руки дрожали, а лицо сделалось бледным, как полотно.

— Внутри тебя... выжженная земля, — глухо произнесла женщина, тяжело дыша. — Твоё прошлое не просто стёрто — его выкорчевали с корнем, оставив лишь обугленный пепел.

— Значит, я никогда ничего не вспомню? — голос Адель сорвался, в нём задрожали нотки подлинного отчаяния.

— Я не знаю, — Люси отвела взгляд, и в её глазах про-

мелькнул почти суеверный страх. — Но дальше я не полез. Вся твоя суть изорвана в клочья, она буквально кровоточит сырой магией. У меня просто нет такой силы, чтобы залечить эти раны и вернуть тебе украденное «Я».

— И что же мне теперь делать? — Адель смотрела на свои ладони, которые всё ещё покалывало от чужого магического вмешательства, и чувствовала себя бесконечно маленькой перед лицом этой выжженной пустоты внутри.

— Возможно, со временем твоя память сама найдёт путь к свету, и ты сможешь исцелить себя. А может, когда-нибудь найдётся тот, кто будет достаточно безумен или могуществен, чтобы решиться тебе помочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.